

Недостатки современного церковно-религіознаго воспитанія и причины, ихъ породившія¹⁾.

Призваніе лестнымъ для насъ порученіемъ совѣта Киевскаго общества распространенія религіозно-правственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви занять вниманіе просвѣщеннаго собранія, мы рѣшаемся избрать предметомъ нашей настоящей бесѣды вопросъ, который близко соприкасается съ областью нашихъ спеціальныхъ научныхъ занятій, подходитъ къ программѣ тѣхъ задачъ, какія преслѣдуетъ общество религіозно-правственнаго просвѣщенія, и который долженъ быть важенъ и дорогъ каждому истинному сыну церкви православной, — вопросъ о недостаткахъ въ нашемъ современномъ обществѣ церковно-религіознаго воспитанія и о причинахъ, ихъ породившихъ.

Все мы, православные христіане, считаемъ себя членами одной общей семьи, одного единаго союза, возглавляемаго Христомъ Спасителемъ Нашимъ, — церкви православной, которая, какъ извѣстно каждому, живетъ и управляется канонами и уставами, выработанными для нея боговдохновенными апостолами и богомудрыми отцами и учителями церкви. Зна-

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ собраніи Киевскаго религіозно-просвѣдительнаго общества, 18 марта 1901 г., въ залѣ женской Фундуклевецкой гимназіи.

ніе однихъ и повиновеніе другимъ составляютъ непремѣнный долгъ и священную обязанность каждаго члена этого союза. Но это только въ теоріи, а на практикѣ, какъ увидимъ сейчасъ, дѣло у насъ обстоитъ нѣсколько иначе.

Если бы кто повѣдалъ намъ, напр., о томъ, что среди насъ находятся личности, состоящія на службѣ государственной, общественной и частной и въ то же время не знающія законовъ и уставовъ тѣхъ коллегіальныхъ учрежденій, въ которыхъ они служатъ, то мы или отказались бы вѣрить этимъ разсказамъ, или же прямо признали такихъ людей бесполезными дѣятелями. Но то, что въ жизни обыкновенной кажется малоброютнымъ и даже просто невозможнымъ, въ членахъ того святого общества, которое именуется Церковью Православною, намъ, къ глубокому сожалѣнію, приходится наблюдать довольно часто, и, что особенно печально, это аномальное явленіе весьма немногихъ изъ насъ волнуетъ и вызываетъ на серьезные размышленія.

Много-ли, въ самомъ дѣлѣ, въ современномъ нашемъ обществѣ людей мѣры православной не только средняго сословія, но даже изъ, такъ называемой, интеллигенціи (а къ ней по преимуществу направляется наша настоящая рѣчь) найдется такихъ лицъ, которыя могутъ похвалиться знаніемъ канонивъ и уставовъ той церкви, къ которой они принадлежатъ? Много-ли изъ насъ такихъ, которые могутъ о себѣ сказать, что они видѣли своими глазами наше „Око Церковное“¹⁾, „Канонъ“²⁾

1) Аписимъ Михайловъ сынъ Родошевскій, печатнаго дѣла мастеръ, первопечатный Церковный Уставъ, изданный въ Москвѣ въ 1610 году „повелѣніемъ великаго государя“ и „съ благословенія первоиерарха, крайняго святителя, отца отцевъ, кгуль Ирмогена, патріарха московскаго“, называлъ такъ: „Око церковное и пожедь аствѣ книгамъ, яже въ божественнѣй соборнѣй апостольскѣй церкви добрѣ предузаконися ко всемъ“.

2) Церковный Уставъ Великой церкви константинопольской, извѣстный нынѣ въ рукописи Патмосской библіотеки № 266 X в., надписывается слѣдующимъ образомъ: „Κανὼν τῆς ἀγίας τοῦ Θεοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας ἀναγνώσεων Πράξεων ἀποστόλων, προφητικῶν καὶ ἐκάστης“

нашей церкви, „Типиколь“ или „Уставъ Церковный“¹⁾), до мелочей регулирующій всю жизнь члена церкви православной, и интересовались серьезно его содержаніемъ?

Внимательному наблюдателю надъ жизнью современного русскаго общества, знакомому съ Уставомъ церкви православной, приходится констатировать такой печальный фактъ, что это общество не только не знаетъ „Церковнаго Устава“ и не интересуется его содержаніемъ, но иногда живетъ и дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ его предписаніями, руководясь иными уставами и преданіями, ничего общаго съ Церковнымъ Уставомъ не имѣющими. Чтобы иллюстрировать нашу мысль укажемъ на явленіе повсеместное въ религіозной жизни всего юго-западнаго края, которое особенно поражаетъ уроженца внутренней Россіи. Мы говоримъ о навечеріяхъ великихъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, приводимыхъ современными православными христіанами этого края не согласно съ предписаніями нашего Церковнаго Устава. О пищѣ въ навечеріе Рождества Христова нашъ Уставъ даетъ такое предписаніе²⁾: „и входимъ въ трапезу и ядимъ вареніе съ

ἀκολουθίας“ (А. Дмитриевскій. „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока т. 1, ч. I. *Τυπικὴ*, стр. 110, Кіев. 1895 г.). *Πρακτικὸν* или, что тоже, *Κανονὸν* назывался Церковный Уставъ въ нашихъ славно-русскихъ памятникахъ. Такъ, напр., въ „перелынской книгѣ домовоі казны патріарха Пивова“, составленной 31 іюля 1658 года бояриномъ княземъ А. Н. Трубецкимъ и др. значится между другими книгами и предметами: „книга писана въ дещь, *Πρακτικὸν Σοφείας* *ἐπιτροπῆς*, писана по телятигѣ“ (Времень. Пятер. Москов. общ. исторіи и древност. російскихъ. М. 1852 г. кн. XV, отд. II, стр. 14).

¹⁾ Нашъ современный Церковный Уставъ называется такъ: „*Типиколь* (Τυπικόν), сіе есть изображенія чина церковнаго, яке зовется *Уставъ*“. Предисл. къ Типик. М. 1885 г.

²⁾ Пастоящее предписаніе Церковнаго Устава относительно поста въ навечеріи праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія относится и къ монахамъ и мірянамъ безразлично, потому что въ томъ же Церковномъ Уставѣ, когда дѣлаются относительно пищи различія для монаховъ и мірянъ, существуютъ

елеемъ, рыбы же не ядимъ. Випо же піемъ благодаряще Бога“. Если случится павечеріе въ субботу или въ воскресенье, то, по предписанію Типикона, „входимъ въ трапезу и ядимъ совершенно (т. е. полный постный обѣд), рыбы же не ядимъ, но съ древяномасліемъ, и сочиво обварено или кутію съ медомъ: испиваемъ же и вина въ славу Божию, въ немущихъ же странахъ піемъ пиво“ (Типик. М. 1885 г. 171 об., 172). Еще строже относительно пищи выражается Церковный Уставъ, когда говорить о павечеріи поста наканунѣ Богоявленія. „И входимъ въ трапезу и ядимъ съ древяномасліемъ, испиваемъ же вина. Сыры же и подобныхъ ему и рыбъ, замѣчаетъ Уставъ, никакъ же дерзнуть ясти, возбранено бо есть божественными правилами“ (тамъ же, л. 191).

Но такія требованія высказываетъ Церковный Уставъ, жизнь же современная даетъ намъ картину изъ года въ годъ одну и ту же. Везде, во всѣхъ семьяхъ, гдѣ и доселѣ еще держится различіе дней праздничныхъ и скоромныхъ отъ дней будничныхъ и постныхъ, въ дни названныхъ павечерій, придется ли они въ срединѣ недѣли, или въ субботу и воскресенье, безразлично соблюдается постъ, въ канунъ Рождества „до звѣзды“, а въ канунъ Богоявленія „до святой воды“, но потомъ во всѣхъ домахъ, отъ хижины бѣдняка до натавъ вельможъ и богачей, затепливается передъ иконою свѣча воску яраго, и всѣ члены семьи, со всѣми домочадцами и сожителями, усаживаются за трапезу, обильную разнообразныхъ, запрещенныхъ Уставомъ, рыбныхъ яствъ и всевозможныхъ пѣтій. „Сочиво обварено“ или „кутія съ медомъ“ и непремѣнный „взваръ“ изъ сушеныхъ фруктовъ —

на этотъ счетъ обстоятельныя указанія. Такъ, относительно пищи въ праздникъ Рождества Христова, если онъ придется въ среду или пятницу, Церковный Уставъ даетъ такое наставленіе: „разрѣшается убо мѣсто на мясо, мотани на сырѣ и ѣсти, и ядимъ убо отъ Рождества Христова по вса дни до павечерія Святаго Богоявленія“ (Типик. М. 1885 г. л. 174 об.). То же самое различіе дѣлается въ Уставѣ (глав. 32 и 33) и о святой недѣлѣ и о другихъ недѣляхъ церковнаго года.

это лишь аксесуары богатой, истинно праздничной, трапезы, пичѣмъ не напоминающей сотрапезникамъ ни о постѣ, ни о томъ, до чего, по Уставу, „никако же дерзнемъ“, „возбранено бо есть божественными правилами“. Ужинъ этотъ, именуемый на языкѣ народномъ „щедрою или сытою кутьею“, пичѣмъ обыкновенно не различается отъ ужина въ кануны Богоявленія, почему-то называемаго въ просторѣчьи „голодной кутьею“. Не удивительно поэтому, что приходскіе храмы нашего святого града въ кануны этихъ величайшихъ христіанскихъ праздниковъ обречены на поразительное отсутствіе молящихся, которые послѣ „щедрой“, а особенно послѣ „голодной“ кутьи, подъ впечатлѣніемъ веселыхъ дней святого времени, не спѣшаютъ въ храмы на вечернее богослуженіе, а остаются у радушныхъ устроителей этихъ трапезъ и проводятъ время далеко не по-христіански...

Въ какомъ поразительномъ противорѣчій съ требованіями Церковнаго Устава и постояннымъ призывомъ нашей матери церкви— „чистою любовію священнѣйшее время святаго поста воспринять“ (9 пѣснь канона понедѣльника сырной педѣли), „весело постомъ и молитвою предпочищающееся“ (5 пѣснь изъ канона пятницы сырной педѣли),—мы проводимъ настоящіе спасительные дни св. поста—это очевидно всякому, и здѣсь всякія иллюстраціи, въ видѣ прилѣговъ, совершенно излишни.

Въ жизни общественной, какъ извѣстно, считается первымъ и элементарнымъ требованіемъ, чтобы появляющіеся въ публичныхъ собраніяхъ вмѣли на себѣ приличнѣй костюмъ, приходили бы въ болѣе или менѣе опредѣленное время, а главное, вели бы себя чинно и прилично. Нарушеніе принятыхъ въ свѣтѣ правилъ относительно костюма, образа поведенія, тишины, порядка, громкіе разговоры, чрезмѣрно нривыій смѣхъ—все это строго осуждается принятымъ этикетомъ, и нарушители всего этого считаются людьми всблаговоспитанными, невѣждами, и силою иногда удаляются изъ мѣстъ общественныхъ собраній.

Храмъ Божій — мѣсто повседнежнаго публичнаго собранія христіанъ для молитвы — въ этомъ отношеніи представляетъ по-чему-то исключеніе. Сюда, вопреки требованію Церковнаго Устава являться въ одеждѣ „простой“, „немятежной“ (не бьющей на эффектъ и оригинальность) и „неукрашенной“ (т. е. безъ роскошныхъ перьевъ и дивныхъ птицъ) (Типик. глав. 39), молящіеся въ наше время позволяютъ себѣ являться во всевозможнаго рода костюмахъ: здѣсь можно встрѣтить и самыя поразительныя новости сезона и жалкое грязное рубище, едва прикрывающее человѣческую наготу.

Не смотря на установленныя церковью звонъ къ богослуженію, трезвопъ и благоговѣсть къ „Достоиню“, молящіеся въ своихъ посѣщеніяхъ храма Божія часто не сообразуются съ этими призывами къ богослуженію, но появляются здѣсь, когда имъ заблагоразсудится, упуская изъ виду, что неблаговременное появленіе ихъ въ храмѣ Божиємъ не только не принесетъ нравственной пользы имъ самимъ, но причинитъ безпокойство и даже вредъ другимъ богомольцамъ, раньше ихъ занявшимъ мѣсто въ храмѣ и успѣвшимъ сосредоточиться на молитвѣ... Запоздалый богомольецъ, игнорируя 30 главу Церковнаго Устава, воспреещающую — „ниже исходити кому, или входить, дождеже поставлено будетъ чтеніе“, входитъ въ храмъ, переполненный богомольцами, когда ему вздумается, при чемъ не останавливается у входа въ храмъ, но, надѣясь на привлеченіе своего пола, силу мускуловъ или вышнія служебныя отличія, протискивается самымъ безцеремоннымъ образомъ впередъ, давя ноги стоящихъ богомольцевъ, наступая на колѣно-преклоненныхъ и толкая въ спину и бока сосредоточенныхъ на молитвѣ богомольцевъ...

Посѣтители храмовъ, не выпуская изъ рукъ своихъ „жезловъ“, по выраженію Церковнаго Устава, а на языкѣ нашего времени — тросточекъ и зонтиковъ, въ положенное, по Уставу, время (Типик. глав. 26), стоятъ не благочинно, разсѣянно, пе-

ремняаясь съ ноги на ногу, озирааясь по сторонамъ, *подиѣвая* фальшивымъ голосомъ и иногда съ искаженіемъ текста церковныхъ пѣснопѣній, черезъ что „вѣчной муцѣ повинни суть, яко не повинуются святыхъ отецъ преданію и правиломъ“, возбраняющимъ „безчинный вопль поющихъ въ церкви“. „Также и прилазая къ церковному пѣнію не пріятельна естъ“ (Типик. глав. 28).

Чаще всего посѣтители храмовъ безъ всякаго стѣсненія проводятъ время въ разговорахъ и при томъ о предметахъ мірскихъ и суетныхъ, не смущаясь тѣмъ, что происходитъ въ храмѣ передъ ихъ глазами. Относительно, напр., чтенія шестопсалмія на утрени Церковный Уставъ даетъ молящимся такіа паставленія: 1) „и не имать кто власти шепты творити, ниже плонути или храмнути, но паче внимати отъ псаломника глаголемымъ, рудѣ имуще согбены къ персемъ, главы же преклонены, и очи имуще долу (т. е. опущенными внизъ), сердечными очима зряще къ востокомъ, молящесе о грѣсѣхъ нашихъ, поминающе смерть, и будущую муку, и жизнь вѣчную“ (Типик. гл. 9 и л. 407). Для того, чтобы молящіесе имѣли возможность сосредоточиться лучше надъ читаемымъ, Уставъ предписываетъ тушить свѣчи въ храмѣ и не дѣлать даже поклоновъ, при чтеніи, послѣ трехъ первыхъ псалмовъ, „Аллалуія“ 2). Въ нашихъ же храмахъ поведеніе молящихся какъ разъ обратно приведенному сейчасъ предписанію Церковнаго Устава: нѣкоторые удаляются совершенно изъ храма, многіе сидятъ, а большин-

1) Въ 9 главѣ Типикона о чтеніи шестопсалмія говорится слѣдующее: „Егда же глаголется шестопсалміе, тогда подобеть со вниманіемъ слушанію прильжаніи: покаяніи бо псалмы исполнеть сурь и умиленіи. Глаголемъ же сіа псалмы со благоговѣніемъ и со страхомъ Божиимъ, яко самому Богу невидимо бсвдруше, и молящесе о грѣсѣхъ нашихъ“.

2) „По вегда же рещи предстоятелю три псалмы, читаемъ мы въ той же 9 главѣ Типикона, Слава и ѡнѣи; Аллалуія трижды, и Господи помилуй, трижды, Слава и ѡнѣи, безъ поклоновъ“.

ство, пользуясь полумракомъ храма, ведетъ все время шестопсалмія самыя оживленные разговоры, нерѣдко даже со смѣхомъ...

Установленіе церковью для поддержанія вниманія молящихся возгласы діакона и священника: „Возьмемъ“, „Премудрость“, т. е. будемъ внимательны, потому что предлагается премудрость Божія, или— „Премудрость *просити* услышимъ“, т. е. будемъ, стоя прямо (*ὄρθοι*), слушать премудрость Божию, или— „Станемъ добръ, станемъ со страхомъ, возьмемъ“, или— „Горѣ имѣемъ сердца“ и др. обыкновенно не производятъ на разблуженныхъ богомольцевъ достоюлжнаго впечатлѣнія, и большинство изъ нихъ остается глухими—продолжаетъ сидѣть или вести нривую бесѣду съ своимъ сосѣдомъ¹⁾. Приглашеніе діакона: „Главы наши Господеви приклонимъ“ и возгласъ священника: „Миръ всѣмъ“ со стороны немногихъ изъ богомольцевъ встрѣчаются подобающими и вполне естественными отвѣтами—или преклошеніемъ головы, или поклономъ. Какъ обыкновенно встрѣчаютъ готовящееся приступить къ принятію Тѣла и Крови Христовыхъ возгласъ діакона: „Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“ и появленіе затѣмъ священника со св. чашею,—это знаетъ каждый изъ насъ. Давка и суতোка, съ какими причастники подходятъ къ св. чашѣ въ наше время, не свидѣлствуютъ не только о ихъ вѣрѣ и страхѣ Божіемъ, но даже о томъ, что они находятся въ святомъ мѣстѣ.

Но посѣтителн храмовъ Божіихъ въ наше время не только не своевременно входятъ и выходятъ изъ храма, сидятъ не въ положенное, по Уставу, время и разговариваютъ за богослуженіемъ, но не своевременно, а главное безпорядочно преклоняютъ колѣна²⁾ и не умѣютъ должнымъ образомъ сласть на себѣ

¹⁾ Противъ этого безнвія въ церкви кооружается 9 правило св. Апостола.

²⁾ Церковный Уставъ, напримеръ, возбраняетъ поклоны отъ праздника Рождества Христова до Богоявленія: „Разумно же буди и о семъ, говорятся въ

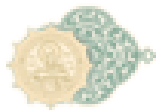
крестное знаменіе и творить малые и великіе поклоны. Довольно часто въ нашихъ храмахъ можно видѣть колѣнопреклоненныхъ во время чтенія Евангелія; многіе изъ богомольцевъ не дѣлаютъ земныхъ поклоновъ во время чтенія молитвы св. Ефрема Сиріна: „Господи и Владыко живота моего“, не становятся на колѣна во время преждеосвященной литургіи, при пѣніи: „Да исправится молитва моя“, не падаютъ ницъ на землю, при провознесеніи священникомъ возгласа: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, при перенесеніи св. Агнца съ жертвенника на престолъ, во время пѣнія: „Ныиѣ силы небесныя“, при чтеніи молитвы: „Владыко многомилостиве“ въ концѣ повсечерія и т. д. Такое разнообразное положеніе молящихся въ храмѣ крайне сгѣбенительно: слѣдующій предписаніямъ Устава Церковнаго для земныхъ поклоновъ долженъ прокладывать себѣ путь по спинѣ стоящаго впереди и не дѣлающаго поклоновъ, становящійся на колѣна—совершать молитву въ спину своего собѣда, стоящаго впереди, не видя иконъ передъ собою и священнослужителей въ алтарѣ и т. п. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ невольно просится на сравненіе обычаевъ еврейской синагоги и мусульманской мечети и, къ сожалѣнію, не въ пользу нашего христіанскаго храма.

О поклонахъ и молитвѣ въ храмѣ вообще и о поклонахъ великихъ, совершаемыхъ съ молитвою св. Ефрема Сиріна, въ частности, въ нашемъ Уставѣ дается самое подробное наставленіе. Къ сожалѣнію, примѣры неблагочинныхъ молитвенниковъ, описанные весьма картинно въ статьѣ: „о поклонахъ и молитвѣ церковное законоположеніе“, можно встрѣчать и нынѣ за богослуженіемъ далеко не единичами. „Нѣщизн, читаемъ мы въ этой статьѣ, не покаяющагося святыхъ отецъ преданію, никакъ вѣдуща

Уставѣ, уже отъ Христова Рождества и до святыхъ Богоявленій, нѣважкоже поустъ, ни колѣнопреклоненія быданошъ, ниже въ церкви, ниже въ келіяхъ“ (Тип. л. 174 об). Капоны церковные възбраваютъ поклоны и во всю пятидесятницу отъ Пасхи до Троицана дня.

сами искомъ святыхъ поклоновъ, ниже святою молитвою добръ разумѣють молиться, но поклонився *единою нагорбився, мало восклоняся крестяся, главою киваеъ,* и тѣмъ своимъ безчиномъ, яки чинъ наполняетъ преданныхъ отъ отецъ поклоновъ: ниже молитвою умнѣ и душевнѣ къ Богу молится, но *елико время сгорбився творитъ сущиыя своя поклоны,* тако и молитву святаго Ефрема, яки изумленный спѣшигъ проговорити. Такожде и вся молитвы поспѣшастъ съ поклоны управити, и отъ тѣхъ *лицыныхъ безчестныхъ поклоновъ, и отъ безумнаго моленія своего востанетъ, аки юродъ,* ниже самъ себѣ вѣсть, что творилъ, ниже зрять на председателя церкви, но ипъ инаго предваряетъ, *мянутся, аки тростіе вътроль колеблени,* не смотря лучшаго, ниже хотять научитися: но елико кто како составлялъ свой нравъ, тако и утверждается быти“ (Типик. л. 417).

Если мы теперь отъ указанныхъ аномальныхъ и печальныхъ явленій въ жизни общественной нашего времени обратимся къ частной семейной жизни православныхъ христіанъ, то и здѣсь увидимъ не мало картинъ и явленій, которыя самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что разладъ и противорѣчія съ предписаніями и требованіями церкви православной нашли себѣ и здѣсь прочное мѣсто, и борьба съ ними не легка. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли изъ современныхъ исполнѣ интеллигентныхъ семей, сохраняющихъ живую связь съ церковью православною, найдется такихъ, которыя, при благополучномъ исполнѣ появленіи на свѣтъ Божій новаго члена семьи, поспѣшили бы пригласить въ свой домъ, къ постели больной, пастыря церкви, чтобы онъ прочелъ установленныя церковью „молитвы въ первый день, по внемда родити женѣ отроча“ и помолился о томъ, чтобы Владыко Вседержитель, „исцѣляющій всякій недугъ и всякую язю“, „исцѣлялъ, возставилъ родившую рабу отъ одра, на немъ же лежитъ“, „простила вольная и невольная ея прегрѣшенія и сохранила ю отъ всякаго діавольскаго мучительства“,

дароваль „здравіе и благомошіе души же и тѣлу“ и „ангелы свѣтлыми и сіяющими оградилъ“, и „изъ нея рожденнаго младенца“ сохранилъ „отъ всякаго яда, отъ всякія лютоисти, отъ всякія бури сопротивнаго, отъ духовъ лукавыхъ, дневныхъ же и нощныхъ“. Весьма многіе изъ нихъ призывъ пастыря въ домъ родильницы откладываютъ до того времени, когда больная поправится физически и даже встанеть съ постели, благодаря чему, и самая молитва въ устахъ пастыря церкви можетъ казаться уже несвоевременною.

Нынѣ сдѣлался явленіемъ повседневымъ въ жизни современнаго общества обычай нарекать имя новорожденному младенцу, по обычаю, идущему изъ Вѣтхаго Завета и по примѣру Господа Иисуса Христа, не только въ восьмой день по его рожденіи, какъ повелѣваетъ св. церковь: „вѣдомо буди, яко по рождествѣ во осмый день приносится младенецъ отъ бабы къ храму“ (Требн. М. 1886 л. 3), но прежде этого дня и далеко спустя послѣ указаннаго времени, смотря по желанію родителей дитяти, и обычай этотъ такъ укоренился въ современной жизни христіанскаго общества, что не возбуждаетъ ни въ комъ сомнѣнія относительно законности своего существованія.

Но самымъ непопулярнымъ обрядомъ въ современномъ христіанскомъ обществѣ, не только въ средѣ классовъ интеллигентныхъ, но даже среднихъ сословій, нужно признать обрядъ воцерковленія дитяти, совершаемый, по установленію церковному, въ сороковой день по рожденіи дитяти, имѣющей весьма важное воспитательное значеніе въ религіозной жизни членовъ православной церкви. Наши пастыри съ грустью и туюю сердечною замѣчаютъ, что современныя интеллигентныя матери-христіанки, въ сороковой день по рожденіи дитяти, не только не являются „предъ враты храма“, чтобы, по примѣру Пр. Дѣвы Богоматери, принесшей „въ четвердесятыи день“ „законному храму“ Богомладенца Иисуса, по-

лучить „честнымъ пресвитерствомъ право входа въ храмъ“, „омыть скверну тѣлесную и скверну душевную“ и быть достойною „причащенія Тѣла и Крови“ Господа, по считаютъ исполненіе обряда этого излишнимъ и даже какъ бы унижительнымъ для себя.

Но, пренебрегая обрядомъ, который въ сущности своей ничего не представляетъ компрометирующаго для женщины, мать-христіанка лишаетъ свое возлюбленное чадо одного изъ торжественнѣйшихъ и знаменательнѣйшихъ въ жизни каждаго новаго члена церкви актовъ, который „и мы върніи подражаніе благодатию держимъ“ въ память того событія изъ жизни Христа Спасителя, когда Онъ, „истинный законоположникъ“, „ради насъ человекъ“, „по обычаю въ законѣ святомъ“, „по исполненіи двѣи омытія, святялицу принестися притерѣтъ“, „и на объятіяхъ праведнаго Симеона понестися изволи“. Актъ принесенія матерью въ сороковой день младенца къ храму—*„воцерковлятися, сіестъ пачало пріяти вводитися въ церковь“*—составляетъ одинъ изъ торжественныхъ заключительныхъ актовъ въ чинѣ крещенія и установленъ св. церковью съ глубокой древности съ тою цѣлю, чтобы публично, всепародно ввести новаго члена въ то христіанское общество, которое именуется себя церковью, объявить его полноправнымъ гражданиномъ этого общества, имѣющимъ право войти не только „въ храмъ“ и даже „во святой жертвеникъ“, если дитя мужского пола, но и со всѣми прочими членами „стала словесныхъ овецъ, нарицающихся именемъ Христа“, приступить къ причащенію Тѣла и Крови Христовыхъ. Мать, любящая свою дочь, не откажется, конечно, торжественно отпраздновать ея совершеннолѣтіе въ кругу своихъ друзей и родныхъ; и слыть, принесшій присягу на вѣрность и службу царю и отечеству, не доставитъ ли своимъ родителямъ минутъ счастливейшихъ и пріятнѣйшихъ въ жизни сейчасъ, при первомъ своемъ появленіи, во всемъ блескѣ своихъ новыхъ вышнихъ отличій?! Очень жаль, поэтому, что почести вышняго званія, права и полномочія, да-

руемая каждому новому члену церкви, так мало имѣютъ цѣны и значенія въ глазахъ современныхъ православныхъ родителей и нерѣдко прямо игнорируются ими.

Къ купели крещенія, по принятому въ нашей церкви обычаю, допускаются два воспріемника—кумь и кума, которые, въ большинствѣ случаевъ, не только не сознаютъ важности своихъ правъ и обязанностей предъ церковью и воспріятымъ отъ купели крещенія, въ будущемъ, но и въ настоящемъ, стоя у купели крещенія, не умѣютъ произнести формуль отрицанія отъ сатаны и сочетанія со Христомъ, стѣсняются прочесть громко, требуемый отъ воспріемниковъ, символъ вѣры и не могутъ ничѣмъ помочь священнику, при совершеніи имъ сложныхъ обрядовъ таинства крещенія.

Время говѣнія и исповѣди, въ виду частыхъ нарушеній предписаній церкви ея членами, вызываетъ на особенныя и серьезныя размышленія. Уставъ Церковный ясно и опредѣленно говоритъ о времени говѣнія: „егда кто хочетъ причаститися святыхъ Христовыхъ Таинъ, подобаетъ ему сохранить *всю седмицу*, отъ пощедѣльска пребыти въ постѣ, и молитвѣ, и трезвости совершенной всекощечно, и тогда со страхомъ, и велиемъ благоговѣнствомъ приметъ пречистыя Таинны“ (Типик. глава 32, л. 39). Въ наше время, и особенно здѣсь на югѣ Россіи, снисходительность къ говѣющимъ доведена до послѣдней степени и иногда безъ великихъ къ тому основаній: здѣсь приступаютъ къ Святимъ Таинамъ и въ среду, и пятницу на преждесвященныхъ литургіяхъ, и въ субботу, и воскресенье на обикновенной литургіи, т. е. послѣ двухъ дней и даже одного хожденія въ храмъ.

Но эти отступленія отъ Устава Церковнаго еще терпимы; гораздо болѣе долженъ обращать на себя вниманіе, въ жизни христіанъ нашего времени, тотъ печальный фактъ, что многіе изъ нихъ, и часто по невѣдѣнію, приступая къ устной исповѣди передъ священникомъ, не считаютъ для себя обязатель-

шамъ предварительно выслушать, такъ называемая псалѣ, „мо-
литвы предъ исповѣдью“. Молитвы, читаемыя священникомъ
предъ началомъ исповѣди вслухъ всѣхъ богомольцевъ, обыкно-
венно послѣ дневного богослуженія, составляютъ въ собствен-
номъ смыслѣ этого слова „чинъ исповѣданія“, который съ
глубокой древности считается твореніемъ патріарха константи-
нопольской церкви св. Юанна Постника¹⁾. Среди этихъ молитвъ
и находится молитва: „Господи Иисуе Христе, Сыне Бога жи-
ваго, пастырю и Англе, вземлай грѣхъ міра“, которая съ
глубокой, можно сказать, апостольской древности считалась
сакраментальною разрешительною молитвою, потому
что ее мы видимъ въ началѣ чина литургіи св. апостола Іакова,
брата Возкиа, и таковой характеръ эта молитва удерживаетъ до-
сейдѣ на всемъ православномъ Востоцѣ²⁾, гдѣ она читается
архіереемъ или архимандритомъ предъ литургіею, въ качествѣ
разрѣшительной, надъ всѣми, готовящимся приступить къ при-
нятію Тѣла и Крови Христовыхъ. Пастыри нашихъ приход-
скихъ храмовъ, при сложности своихъ обязанностей, не имѣютъ
возможности, какъ это слѣдовало бы, вычитывать весь чинъ
исповѣди каждому исповѣднику, а поэтому практикою церков-
ною и выработался обычай читать весь чинъ исповѣди надъ
всѣми вмѣстѣ, на долю же каждаго въ отдѣльности оставлять
устную исповѣдь и чтеніе потомъ разрѣшительной формулы.

¹⁾ А. С. Павловъ. Минимъ слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ
памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права. М. 1892, стр. 34—49.

²⁾ Въ руководственной книгкѣ „*Ἱεροτελεστιχὸν τῆς οὐκῆς, ἡρμηνευμέ-
νον ὑπὸ Ἱερῶν. Βογιάντζη*“, одобренной въ Греціи св. Синодомъ и мини-
стерствомъ церковныхъ дѣлъ и народного образованія „на пользу священниковъ
и всякаго христіанина“, Ἐν Πάτραις, 1881 ἐκτ. β' σελ. 13, молитва эта
надписывается: „*Εὐχὴ ἐπὶ μετανοούτων*“ и стоитъ предъ молитвами для гото-
вящихся къ причащенію Св. Таинъ. Слич. Ἐξομολογητῆριον, ἥτοι βιβλίον
φυχωφλέστατον. Βουετ 1885 σελ. 91. Въ этой послѣдней книгкѣ точно
опредѣляется время чтенія разрѣшительной молитвы, которая называется обыч-
ною (τῆν συνειθισμένην).

Уклоняющіеся отъ выслушиванія „предъисповѣднѣхъ молитвъ“ потому лишаютъ себя важнѣйшей сакраментальной части „послѣдованія о исповѣданіи“...

Каждому, по всей вѣроятности, приходилось наблюдать, какъ мало у насъ подготовлены бывають женихъ и невѣста, чтобы вести себя, при совершеніи таинства брака, достоюдолжнымъ образомъ: въ большинствѣ случаевъ они не знаютъ, гдѣ встать имъ въ храмѣ, въ какое время чина браковѣчанія перекреститься, и вообще безъ указаній священника и „свѣдущихъ“ людей не могутъ никакъ обходиться. Чрезмѣрно игривое настроеніе „уневѣстившихся, спешившихъ въ радость сію“, часто заставляеть думать, что они совершенно забываютъ о святости храма и важности того, что совершается передъ ихъ взорами. Современнай „шаферъ“ ничѣмъ обыкновенно не напоминаетъ „кума“, на котораго памятники каноническіе и литургическіе древняго времени налагають обязанность быть хранителемъ святости и чистоты брачнаго союза, опытнымъ и мудрымъ руководителемъ брачующихся въ ихъ новой жизни, а потомъ и быть кумомъ или воспріемникомъ тѣхъ дѣтей, которая родятся отъ этого брака ¹⁾... Дѣйствительность въ этомъ случаѣ часто не даетъ намъ и тѣни подобія того идеала, который начертываетъ святая церковь.

Современный членъ церкви Христовой, не зная Церковнаго Устава, не умѣя свою жизнь—общественную и домашнюю—въ церковно-религіозномъ отношеніи устроить, сообразно съ требованіями и предписаніями церкви православной и ея уставовъ, не умѣетъ, нужно сознаться къ глубокому сожалѣнію, въ этомъ, и умирать по-христіански, какъ подобаеть

¹⁾ О шаферѣ и его обязанностяхъ см. у Symeon Thessal. Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155, pag. 509; у Соар. Εὐχολογ Venet. 1730 an. pag. 324, not. 9; и у А. С. Павлова. Номоканонъ при Большомъ Трелбиѣ М. 1897 г., стр. 291—295.

истинному сыну церкви православною, для котораго „во еже жизни Христосъ, и еже упретии приобрьтеніе есть“ (Филип. 1, 21). Странное и малопонятное, съ истинно христіанской точки зрѣнія, явленіе приходится наблюдать въ семьѣ христіанской, когда она окружаетъ одру дорогаго члена своего, одержимаго тяжкою болѣзнію. Въ это время исчерпываются (что и вполнѣ естественно) здоровыми членами семьи всевозможными человѣческими средствами къ тому, чтобы или спасти отъ смерти болящаго, или же облегчить его страданія въ послѣдніе дни его жизни. Призываютъ врачей къ одру больного даже и въ то время, когда тѣ, сознавая свое безсиліе помочь или облегчить тяжелое положеніе больного, отказываются отъ визитовъ. Дѣлается это, какъ говорятъ, для успокоенія больного. Въ это скорбное время въ семьѣ больного устанавливается крайне тягостное, натянутое отношеніе между больнымъ и здоровыми членами семьи: одни, чтобы не пугать больного, стараются всячески удалить отъ него мысль о смерти, въ свою очередь, и больной, хорошо сознающій свое безнадежное положеніе, употребляетъ все усилія ничѣмъ не напоминать окружающимъ его дорогимъ лицамъ о предстоящей разлукѣ съ ними на вѣки... Благодаря этому, крайне тяжелому, натянутому положенію, мысль о необходимости пригласить пастыря церкви къ одру больного, чтобы пастырь совершилъ надъ больнымъ установленныя церковью спасительныя таинства елеосвященія и покаянія и приобщилъ Св. Тайнъ Христовыхъ, „во исцѣленіе души и тѣла и въ жизнь вѣчную“, подавляется, и осуществленіе ея откладывается до послѣдней возможности. Отсюда происходитъ то печальное явленіе, что пастырь церкви съ Св. Тайнами и съ горячимъ словомъ утѣшенія и ободренія приглашается къ одру болящаго перѣдко уже въ часы предсмертной агоніи. Пародъ это приглашеніе священника къ больному прямо называетъ „напутствіемъ“ его, т. е. невольнью передъ переходомъ изъ зѣмной жизни въ новую жизнь. Что же касается таинства елеосвященія, которое и установлено

церковью „во исцѣленіе души и тѣла, во очищеніе и измѣненіе всякія страсти и всякаго недуга и язи, и всякія скверны плоти и духа“ (3 молитва въ чинѣ елеосвященія), то очень многіе, чтобы не утомлять больного сложностію обрядовъ, требующихъ присутствія многихъ постороннихъ лицъ, обильнаго возженія свѣтильничковъ и т. п., совершенно игнорируютъ его, а если и совершаютъ, то уже въ то время, когда болящій находится въ полубезсознательномъ состояніи, когда, другими словами, потребность въ этомъ таинствѣ совершенно исчезаетъ. Слова молитвы въ чинѣ елеосвященія: „отжени отъ него всякую болѣзнь и немощь, яко да воставъ рукою твоею крѣпкою, *поработаетъ тебѣ со всякимъ благодареніемъ*“ (тамъ-же), произносимыя пастыремъ церкви надъ полумертвымъ человѣкомъ, должны поражать молящихся и окружающихъ одръ умирающаго, по меньшей мѣрѣ, анахронизмомъ. Въ виду несвоевременнаго совершенія таинства елеосвященія, среди многихъ держится убѣжденіе, что это таинство необходимо для тяжело больныхъ, не подающихъ надеждъ на выздоровленіе, есть таинство какъ бы послѣднее, что выздоровѣвшій человѣкъ, послѣ совершенія надъ нимъ этого таинства (такъ, напр., думаетъ простой народъ), не можетъ омыть своего тѣла, вкупать мясную пиццу, вступать въ бракъ и т. п.

Въ виду указаннаго, предубѣжденнаго и совершенно несоотвѣтствующаго цѣлямъ установленія таинствъ-елеосвященія, покаянія и причащенія, взгляда, господствующаго въ средѣ большинства членовъ церкви православной, въ жизни современной христіанской семьи происходятъ явленія крайне печальныя и тяжело отражающіяся на душевномъ настроеніи, какъ больного, готовящагося покинуть зѣвшій міръ, такъ и на окружающихъ его, всячески удаляющихъ отъ себя мысль о близкой разлукѣ съ дорогимъ больнымъ. Болящій христіанинъ лишается возможности, чрезъ спасительныя таинства елеосвященія и покаянія, имѣющія въ составѣ своемъ много тождественныхъ мо-

литвословіи и на всемъ православномъ Востокѣ совершающіяся нераздѣльно, успокоить свою совѣсть и примирить себя съ мыслию о переходѣ въ новую жизнь. Только послѣ совершенія этихъ таинствъ и послѣ принятія святѣйшихъ Тѣла и Крови Христовыхъ, замѣчается въ душѣ человѣка такой высокой подъемъ силъ нравственныхъ, что у больного хлякаетъ мужества не только подвести итоги здѣшней жизни, приготовить дорогихъ близкаго людей къ предстоящей разлуцѣ, сдѣлать самыя подробныя наставленія на случай смерти, напутствовать каждаго члена въ отдѣльности благословеніемъ и добрыми пожеланіями, которыя потомъ не забываются ими всю жизнь, но и, закрывая на вѣки глаза, произнести спокойно: „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой“. При такой христіанской кончинѣ дорогого члена, семья не предается гнетущей скорби, яко *неислуцїи упованїя* (1 Солун. IV, 13); у гроба почивнаго не будетъ мѣста смятенію и растеряности, которыя мы часто наблюдаемъ, когда мысль о смерти напрасно отдалается и оставшимся въ живыхъ и почившимъ, потому что предсмертныя завѣщательныя распоряженія дорогого усопшаго вступаютъ въ свои права сейчасъ-же, какъ только духъ его оставитъ свою бренную оболочку.

Мы могли бы указать и многія другія явленія въ жизни современнаго христіанскаго общества, не согласныя съ предписаніями Церковнаго Устава и требованіями нашей матери св. церкви, но и отмѣченныхъ сейчасъ считаемъ исполнѣ достаточнымъ для своей цѣли. Важнѣе и интереснѣе для насъ теперь уяснить причины этихъ аномальныхъ явленій и, хотя бы въ общихъ чертахъ, указать возможный выходъ изъ такого неестественнаго положенія вещей.

Современная христіанская семья, о которой пространная и глубоко-пазидательная рѣчь была предложена въ прошломъ

собраніи ¹⁾ мужемъ широкаго жизненнаго и педагогическаго опыта и сильнѣмъ въ словѣ, несетъ на себѣ вину въ этомъ тяжеломъ грѣхѣ прежде всего. Родители, не знающіе Церковнаго Устава и нарушающіе въ своей повседневной жизни постановленія церкви православной, не могутъ быть хорошими воспитателями въ церковно-религіозномъ отношеніи и своихъ дѣтей. Нельзя передать другимъ того, чѣмъ самъ не владѣешь. Отецъ и мать, не считающіе непрѣмнымъ своимъ долгомъ начинать и оканчивать день молитвою, предвѣрять и заключать обѣдъ и ужинъ благоговѣйнымъ крестнымъ знаменіемъ, не соблюдающіе церковно установленныхъ постовъ, не посѣщающіе храмовъ въ дни праздничныя и т. д., не дадутъ своимъ дѣтямъ хорошихъ примѣровъ и не привьютъ имъ добрыхъ христіанскихъ привычекъ.

Въ наше время, въ средѣ, такъ называемой, интеллигенціи держится совершенно ошибочное убѣжденіе, что дѣло религіознаго воспитанія дѣтей нужно начинать не съ колыбели, а уже тогда, когда дитя физически окрѣпнетъ и умственно созрѣетъ на столько, что болѣе или менѣе сознательно станетъ относиться ко всѣмъ требованіямъ нравственнаго долга. Во многихъ интеллигентныхъ семьяхъ, если дѣти поручаются въ раннемъ возрастѣ не доброй набожной старушкѣ-нянѣ, которой и русская литература и русское общество обязаны многими выдающимися дѣятелями, — а боннѣ или гувернанткѣ — нянцкѣ или француженкѣ, дѣти ложатся спать и встаютъ безъ молитвы, не умѣютъ часто, до поступленія въ школу, прочесть безошибочно самыхъ употребительныхъ христіанскихъ молитвъ, какъ напр., „Отче нашъ“, „Царю небесный“, „Богородице Дѣво, радуйся“ и др.; не считаютъ для себя долгомъ вѣжливости, при встрѣчѣ съ священникомъ, подойти къ нему подь благо-

¹⁾ Речь проф. В. О. Пѣвницкаго „о христіанскомъ воспитаніи въ семьѣ“, см. Труд. Кіев. дух. Академіи 1901 г., № 4.

словеніе, сложивъ достоюлжнмъ образомъ свои ручки. Изъ опасенія со стороны нѣжно любящихъ родителей, какъ бы ихъ дѣти не простудились или, отъ соприкосновенія съ другими дѣтьми, не занесли въ домъ дифтерита, скарлатины, кори и тому подобныхъ бичей нашихъ современныхъ дѣтей, не отнускаютъ послѣднихъ по праздничнымъ днямъ въ храмъ Божій, утѣшая себя мыслію, что дѣти ничего тамъ не поймутъ. Приучать дѣтей къ бездушному механическому исполненію требованій св. церкви, по воззрѣнію многихъ родителей, дѣло страшное и по меньшей мѣрѣ преждевременное.

Но, если мы всё эти разсужденія изъ сферы церковно-религіозной перенесемъ въ сферу повседневной обычной жизни, то мы сразу замѣтимъ полную несостоятельность ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одна мать современной интеллигентной семьи не откажется едва начинающему ходить и лепетать ребенку внушить то, какъ онъ долженъ поздороваться съ папою и мамяю или постороннимъ гостемъ, какъ раскланяться, что сказать имъ и о чемъ помолчать и т. д. Незваніе дитятею этихъ первыхъ правилъ вѣжливости житейскаго обихода производить на постороннихъ тяжелое впечатлѣніе и вызываетъ строгое иногда осужденіе, которое въ одинаковой мѣрѣ относится и къ родителямъ и дѣтямъ. Уже-ли же эти всё книксены или реверансы болѣе доступны и понятны уму и сердцу дитяти, чѣмъ примитивныя, не сложныя формы христіанскаго богопочтенія: крестное знаменіе, стояніе на колѣнахъ во время молитвы, лобызаніе св. иконъ, возженіе передъ ними свѣчей и т. п.?! Родители нашего времени, удаляющіе своихъ дѣтей отъ православнаго храма, изъ опасенія простуды и заразы, рѣдко однако рѣшаются отказать своимъ дѣтямъ въ удовольствіи побывать на дѣтскихъ театральныхъ спектакляхъ, на ёлкахъ, не только семейныхъ, но даже въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ собранія дѣтей различнаго пола, возраста и общественнаго положенія въ нѣсколько разъ бывають многочислен-

иѣе, и духота стоять болѣе нестерпимая, чѣмъ въ нашихъ храмахъ, и гдѣ, слѣдовательно, возможность простуды и заразы для дѣтей не менѣе вѣроятна...

*„Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ и не бра-
ните ихъ, скажемъ мы нашимъ матерямъ и отцамъ въ утѣ-
шеніе и ободреніе словами Нашего Господа, тацыхъ бо стхъ
царствіе Божіе. Аминь, глаголю вамъ, иже аще не при-
метъ царствіе Божіе, яко отроца, не илать внити
въ не“* (Марк. X, 14). „Негодова“, Господь, по выраженію
евангелиста, когда ученики Спасителя *„ирещаху принося-
щилъ“* (ст. 13). Наши родители, въ своей чрезмѣрной забот-
ливости о физическомъ воспитаніи дѣтей, мало или вовсе не
обращаютъ вниманія на чистую дѣтскую душу, мягкую, какъ
воскъ, и способную испытывать и чувствовать самыя сильныя
впечатлѣнія отъ созерцанія картинъ и явленій возвышенныхъ и
прекрасныхъ. Нашъ христіанскій храмъ, со всею своею бле-
стящею обстановкою, съ стройнымъ умилятельнымъ иѣніемъ,
чистымъ порядкомъ и величественнымъ священнодѣйствіемъ,
долженъ производить и дѣйствительно производитъ на впечатли-
тельную дѣтскую душу глубокое неотразимое впечатлѣніе. Дитя,
находясь въ храмѣ, съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ
за порядкомъ богослуженія, ловитъ и запоминаетъ несложныя
церковныя молитвословія и иѣснопѣнія, усвоитъ манеры и
жесты священнослужителей храма и, возвратившись изъ церкви
домой, долго находится подъ впечатлѣніемъ видѣнаго и слы-
шаннаго имъ и старается иногда воспроизводить все это дома
въ своемъ дѣтскомъ невинномъ времяпрепровожденіи... Дитя,
разъ побывавъ въ храмѣ, всею своею чистою душею снова
рвется къ нему и считаетъ свои посѣщенія его праздникомъ
для себя, хотя бы они падали и на будніе дни.

Кто изъ насъ, получивши въ семьѣ церковно-религіозное
воспитаніе, не помнитъ тѣхъ высокихъ священныхъ вос-
торговъ и радостныхъ ожиданій, какими переполнялась душа

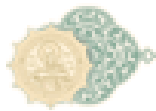
наша въ кануны великихъ христіанскихъ праздниковъ св. Пасхи, Рождества Христова и др., и связанныя съ ними посѣщенія многолюдныхъ храмовъ! Глубокія впечатлѣнія, запавшія въ чистую дѣтскую душу, потомъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда люди, среди житейской прозы, дѣлаются менѣе впечатлительны и воспріимчивы ко всему прекрасному и высокому, остаются самыми дорогими воспоминаніями и доставляютъ многимъ отраду и истинное утѣшеніе. Доброе сѣмя истинно христіанской жизни, посѣянное въ дѣтской душѣ, въ лучшую раннюю пору жизни, не погибаетъ и подѣ воздействиемъ неблагопріятныхъ условій неустойчивой и разсѣянной юности и начальной поры возмужалой зрѣлости, когда и темпераментъ и содружество могутъ увлечь съ истиннаго пути „на страну далече“ (Лук. XV, 13), и даетъ перѣдко прекрасный и поразительный плодъ. И въ наши дни холодности къ св. церкви и религіознаго индифферентизма вообще, слава Богу, мы не лишены удовольствія слышать и даже видѣть такіе примѣры, когда люди, вышедшіе изъ среды самыхъ разнообразныхъ классовъ нашего общества, не духовнаго сословія, закончившіе прекрасно образованіе въ университетахъ или въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, создавшіе себѣ уже на службѣ блестящую карьеру, неожиданно, и къ удивленію многихъ, мѣняютъ блестящій мундиръ на скромную рясу инока и всецѣло посвящаютъ свои силы и талантъ на трудное святое дѣло служенія православной церкви. Въ этихъ случаяхъ мы усматриваемъ именно глубокое вліяніе на складъ ихъ характера и убѣжденій добрыхъ христіанскихъ началъ семейнаго воспитанія.

Изъ семьи дитя поступаетъ въ школу, чтобы подготовить себя къ спеціальному образованію въ высшемъ учебномъ заведеніи для будущей своей практической дѣятельности. Не получивъ добрыхъ христіанскихъ навывковъ въ родной семьѣ, съ грѣхомъ по-поламъ заучивъ требуемую программу начальныя употребительныя молитвы, почти предъ самымъ экзаменомъ,

дѣтя поступають въ школу. Здѣсь, особенно если дѣтя поступаетъ въ подготовительный классъ, законоучителю приходится взять на себя обязанности матери или няньки, чтобы ознакомить ребенка съ первыми требованіями церковной дисциплины, а потомъ уже выразумить ему смыслъ и значеніе общеупотребительныхъ христіанскихъ молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, многимъ нашимъ школярамъ дотолѣ совершенно неизвѣстномъ. На изученіе нашего христіанскаго богослуженія, его современнаго строя въ важнѣйшихъ чиновослѣдованіяхъ и молитвословіяхъ, на ознакомленіе съ храмомъ и его принадлежностями, съ церковною дисциплиною, на все это наша современная средняя школа, при сложности своихъ программъ, удѣляетъ въ III классѣ поразительно ничтожное количество уроковъ—всего *два въ недѣлю*. Самый преданный своему дѣлу законоучитель, при всемъ своемъ горячемъ желаніи, немногого можетъ сообщить въ такое короткое время своимъ ученикамъ, изъ которыхъ очень многіе даже не владѣютъ церковною терминологіею, называя фелонь священника и стихарь діакона просто *ризали*, потиръ—сосудомъ или чашкою, дискось—блюдомъ, копіе—ножемъ, лжицу—ложкою и т. д. Законоучитель долженъ поэтому считать себя вполне счастливымъ, если онъ успѣетъ за это короткое время ознакомить своихъ учениковъ съ обширною церковно-литургическою поименовкою, объяснить порядокъ важнѣйшихъ церковныхъ чиновослѣдованій, уяснить смыслъ и значеніе главнѣйшихъ обрядомъ каждого изъ нихъ и заучить разумно важнѣйшія церковныя пѣснопѣнія и болѣе употребительныя молитвословія, хотя бы въ чинахъ литургій св. І. Златоуста, Василія Великаго и преждеосвященныхъ даровъ. Ознакомить учениковъ практически съ болѣе или менѣе подробнымъ содержаніемъ главнѣйшихъ церковно-богослужебныхъ книгъ: Церковнаго Устава, Октоиха, Тріодей Постной и Цвѣтной, Служебника, Трѣбника и другихъ книгъ, войти въ обстоятельныя историческія и церковно-археологическія объ-

ясненія нашихъ чиновослѣдованій, отдѣльныхъ возгласовъ и обрядовъ, что несомнѣнно отразилось бы на живости и интересѣ постановки этого, весьма важнаго въ воспитаніи нашего юношества, предмета,—у законоучителя нѣтъ времени. И надѣлимъ, какъ и надѣ другими преподавателями,—обязательство выполнить принятый учебникъ въ теченіе одного года ваяить въ видѣ дамноклова меча. Не удивительно, поэтому, нисколько, что питомцы школы, въ виду недостаточной подготовки дома и при плохомъ знаніи церковно-славянскаго языка, съ немалымъ напряженіемъ своихъ силъ и безъ особаго интереса усваиваютъ уроки о православномъ богослуженіи, получаютъ объ этомъ, въ высшей степени живомъ и интересномъ, предметѣ совершенно невѣрные представленія, считаютъ его сухимъ и даже непригоднымъ въ жизни. По какому-то для насъ непонятному недоразумѣнію, питомцы не только средней, но даже и высшей свѣтской школы болѣе къ этому важному предмету не возвращаются, и съ такимъ крайне бѣднымъ багажемъ знаній относительно храма и церковности вообще выступаютъ прямо въ жизнь, въ качествѣ дѣятелей общества и отцовъ новыхъ поколѣній...

Церковно-славянскій языкъ, на которомъ написаны наши богослужебныя книги и на которомъ совершается наше богослуженіе въ храмахъ, какъ показывать и самое названіе, могъ-бы оказать неоцѣненную услугу дѣлу церковно-религіознаго воспитанія нашего народа вообще и изученію науки о богослуженіи въ школѣ въ частности, если бы опять наша школа на изученіе этого языка обращала подобающее серьезное вниманіе. Два—три часа въ недѣлю для учениковъ IV класса, назначенные на изученіе церковно-славянскаго языка совмѣстно съ русскимъ, при плохой домашней подготовкѣ въ церковно-славянской грамотѣ,—опять слишкомъ мало времени для того, чтобы питомцы средней нашей школы усвоили грамматику языка и въ то же время пріучились разумно и толково

читать церковно-славянскіе памятники и понимать безъ помощи лексикона хотя бы текстъ важнѣйшихъ и употребительныхъ книгъ въ нашей церкви—Евангелія и Апостола. Практикуемый многими законоучителями похвальный обычай—каждый урокъ Закона Божія предварять въ классѣ чтеніемъ рядового евангелія и апостола съ объясненіемъ болѣе трудныхъ мѣстъ, а иногда и цѣлой главы въ порядкѣ евангелистовъ, бесспорно не лишень воспитательнаго значенія для питомцевъ и поддержать въ ученикахъ сознаніе долга не забывать этого языка, но оказать значительное подспорье дѣлу изученія церковно-славянскаго языка едва ли можетъ. Ученики обыкновенно читаютъ въ порядкѣ класснаго списка (а заставлятъ читать одного и того же ученика, болѣе владѣющаго церковно-славянскою грамотою, было-бы нерационально), слѣдовательно, не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, а поэтому и подготовиться имъ къ уроку дѣло довольно не трудное. Итакъ, изъ школы наши питомцы, можно безъ большой ошибки утверждать, выходятъ безъ достаточнаго знанія церковно-славянскаго языка. Высшая университетская школа для поступающихъ на историко-филологическій факультетъ даетъ, повидимому, въ своихъ студіяхъ широкое мѣсто и славянскимъ языкамъ вообще и нашему церковно-славянскому въ частности, но здѣсь слушаютъ они или историческую грамматику языковъ, или сравнительную грамматику славянскихъ языковъ, или славянскую діалектологию, или славянскую этимологию, или славянскую симазіологию (ученіе о значеніи словъ и предложеній), или славянскую лексикологию¹⁾, на изученіе же самыхъ памятниковъ славянской письменности и здѣсь обращено сравнительно мало вниманія: это предоставляется избранныкамъ, которые потомъ всецѣло посвящаютъ свои силы славянской філологіи. Слѣдовательно,

¹⁾ Проф. Т. Д. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Кіевъ 1895, ч. I, стр. 35.

и образованный филолог не всегда может похвалиться основательным знаніемъ языка церковно-славянскаго, языка нашей св. матери церкви.

Не безъ грѣха въ недостаткахъ церковно-религіознаго воспитанія современнаго намъ общества и наши русскіе богословы, питомцы нашей вѣсней богословской школы, особенно послѣдняго времени. Въ глубокому сожалѣнію, справедливость требуетъ сознаться, что область христіанскаго культа, наше православное богослуженіе во всемъ своемъ объемѣ, составляющее предметъ спеціального изученія на самостоятельной кафедрѣ въ высшей богословской школѣ, далеко не возбуждаетъ въ питомцахъ этой школы того глубокаго вниманія и захватывающаго интереса, каковы ему присущи, и весьма немногихъ изъ нихъ располагаетъ къ серьезному и научному изученію этого важнаго и жизненнаго предмета. Въ силу указаннаго явленія, наша средняя школа не имѣетъ доселѣ болѣе или менѣе удовлетворительнаго учебника по богослуженію православной церкви; принятые въ школѣ учебники страдаютъ схоластикою и туманнымъ мистицизмомъ, полны сухихъ формальныхъ опредѣленій, грѣшатъ нерѣдко стилистическими и даже грамматическими промахами, лишены живого интереса для изучающихъ по шмъ столь важный предметъ, а поэтому изучаются школярами съ большими усиліями и легко забываются ими. Что же касается пособій и настольныхъ руководствъ, по которымъ бы могъ восполнить дефекты своего школьнаго образованія въ данномъ направленіи человекъ интеллигентный, по выходѣ изъ школы, то ихъ у насъ почти не существуетъ. Чтобы ознакомиться съ нашимъ православнымъ богослуженіемъ въ его современномъ видѣ и уяснить для себя его смыслъ и значеніе, интересующимся мы можемъ рекомендовать поттенные труды оо. протоіереевъ—Г. С. Дебольскаго ¹⁾, К. Т. Николь-

¹⁾ Г. С. Дебольскому принадлежать слѣдующіе труды: 1) Пожеланіе православной церкви о спасеніи міра, выраженное въ ея богослуженіи, объясняющееъ

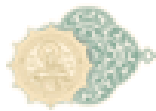
археологич, дали интеллигентнымъ читателямъ отвѣты на ихъ запросы о причинахъ установленія тѣхъ или иныхъ богослужебныхъ формъ, о видоизмѣненіяхъ ихъ на всемъ протяженіи историческаго существованія церкви православной и о разумной цѣлесообразности ихъ въ современной практикѣ (что особенно цѣнно въ подобныхъ пособіяхъ), то такихъ трудовъ у насъ еще пока, къ глубокому сожалѣнію, не имѣется...

Послѣ всего сказаннаго едва-ли можно удивляться тому, что изъ среды нашей интеллигенціи риздаются голоса, „требующіе отмены обрядности и богослуженія церковнаго, говорящіе о безполезности и стѣснительности постовъ и праздниковъ, желающіе сбросить узы великаго культа“¹⁾, голоса, по выраженію маститаго високо просвѣщеннаго харьковскаго архипастыря, „требующіе въ церкви реформъ, согласныхъ съ духомъ времени и примѣнительно къ порядкамъ свѣтской жизни“²⁾. Неудивительно для насъ и то, что люди, не воспитанные на церковно-славянскомъ языкѣ и не изучившіе его основательно въ школахъ, не понимаютъ красотъ нашей церковной поэзіи, дѣлаются равнодушны и холодны къ нашему богослуженію, дерзновенно позволяютъ себѣ громко заявлять требованія о необходимости перевести наши церковно-богослужебныя книги на современный русскій языкъ, упуская изъ вниманія все тяжелья и уже потомъ, конечно, непоправимыя печальныя послѣдствія этой утопіи. Протесты изъ полунинтеллигентнаго рационалистическаго направленія, уже порвавшей связь съ нашею церковью, высказываемые противъ церковно-славянскаго языка въ самой беззащитнѣйшей формѣ: „мы—русскіе и церковно-славянскаго языка не понимаемъ“³⁾, дерзко и легкомысленно направлены ею не

¹⁾ Соколовъ. А. Культъ, какъ необходимая принадлежность религіи. Полемико-апологетическое богословское изслѣдованіе. Каз. 1900 г., стр. 84.

²⁾ Вѣра и Разумъ. 1-91 кн. IV, стр. 228.

³⁾ Такъ говорили о себѣ пр. Сергію, епископу уманскому, викарію Кіевской епархіи, штундиста, во время собесѣдованій съ ними по вопросамъ право-

только противъ церковно-славянскаго языка, но и противъ всей нашей церковной обрядности, для которой этотъ языкъ служить органомъ, и даже противъ самой церкви, которая приняла его подъ свое покровительство.

Не имѣя времени подробно останавливаться на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ печальныхъ явленій и сужденій въ настоящей разѣ, въ заключеніе своей рѣчи мы находимъ вполне уместнымъ обратить ваше просвѣщенное вниманіе на тѣ явленія въ церковно-религіозной жизни современнаго русскаго общества, которыя знаменуютъ, какъ намъ думается, поворотъ къ лучшему въ данномъ направленіи.

Вызванная къ жизни волею незабвеннаго Царя-Миротворца церковно-приходская школа, поставленная подъ особое покровительство нашей православной церкви, съ цѣлью дать нашему русскому религіозному и трудолюбивому народу образованіе въ духѣ вѣры и церкви православной, въ теченіе 16 лѣтъ немало уже сдѣлала въ указанномъ направленіи. Источники этой школы, находясь подъ особымъ попеченіемъ церкви, не только получаютъ церковно-религіозное воспитаніе, но и учатся нынѣ по Псалтири, Часослову и Октоиху, т. е. по такимъ руководствамъ, долго находившимся въ изгонѣ въ предшествующей народной школѣ, которыя несомнѣнно самымъ основательнымъ образомъ знакомятъ ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, органомъ нашего богослуженія. Успѣхъ этой школы видѣнъ всякаго сомнѣнія и громко засвидѣтельствованъ на всемірномъ созиданіи мысли и труда человѣка XIX столѣтія въ Парижѣ присужденіемъ ей высшей награды (grand prix) за прекрасную организацію снабженія школъ книгами.

славнаго вѣроученія и церковной обрядности, когда благостный архимандритъ приводилъ тексты Священнаго Писанія въ доказательство защищаемыхъ имъ положеній, на *славянскомъ языкѣ*.

Дѣлу церковно-религіознаго воспитанія русскаго народа принесутъ безъ всякаго сомнѣнія великую пользу и наши религіозно-просвѣтительныя общества, открываемыя не только въ столичныхъ и губернскихъ городахъ, но даже въ уѣздныхъ и въ большихъ слободахъ и мѣстечкахъ. Наши пастыри, какъ члены этихъ обществъ, съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ храмѣ, имѣютъ теперь возможность своей, болѣе или менѣе постоянной и однообразной въ составѣ слушателей, аудиторіи предлагать и цѣльшые курсы по объясненію нашего православнаго богослуженія и изъясненію важнѣйшихъ обрядовъ его, употребительнѣйшихъ въ немъ пѣснопѣній и молитвословій, каковы напр., „Единородный Сыне и Слове Божій“, „Иже херувимы“, „Псиѣ силы небесныя“, „Да молчитъ всякая плоть человѣка“ и др., и отдѣльныхъ возглашеній церковныхъ, какъ, напр., „Господи, спаси благочестивыя и услыши ны“, „Елицы оглашеніи изыдите“, „Елицы ко просвѣщенію изыдите“, „Двери, двери, премудростію воцмемъ“, „Возлюбимъ другъ друга“, „Миръ всѣмъ“ и т. п. Всѣ эти литургическія пѣснопѣнія, молитвословія и возглашенія могутъ давать весьма обильный матеріалъ для чтеній народныхъ и своимъ захватывающимъ интересомъ увлекать слушателей не менѣе житій святыхъ и рассказовъ изъ русскаго исторіи. Эти предметы чтеній мы рекомендуемъ особенному вниманію членовъ Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества, съ замѣчательнымъ усердіемъ подвижающихся въ своемъ святомъ дѣлѣ въ цѣлыхъ 25 пунктахъ ¹⁾ нашего святаго града.

¹⁾ Изъ опубликованнаго отчета Кіевского общества распространенія религіозно-правственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви мы, въ глубокому сожалѣнію, видямы, что члены общества весьма рѣдко предлагаютъ своимъ, слушателямъ на вечернихъ чтеніяхъ матерія литургическія. Изъ 25 пунктовъ, въ которыхъ велись чтенія, только въ трехъ тема церковно-практическаго характера служили предметами чтеній: 1) въ ночлежномъ домѣ на Бессарабкѣ объяснялись лекторами вечернія молитвы, такъ какъ чтенія и бесѣды для ночлеж-

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

„Святая Русь“! Вотъ какое дорогое наслѣдіе мы получили отъ нашихъ предковъ! Будемъ же стараться всѣми отъ насъ зависящими способами и средствами сохранить его, какъ драгоцѣнную святыню, и передать незанятнымъ это имя по наслѣдству и нашимъ потомкамъ, чтобы не получить отъ нихъ упрека въ легкомысленной расточительности...

А. Дмитріевскій.